РАЗСКАЗЫ ИЗЪ ПРОШЛАГО.

I.

ВЪ НАЧАЛѢ тридцатыхъ годовъ, я воспитывался въ бывшемъ Петербургскомъ университетскомъ благородномъ пансіонѣ, что нынѣ 1-я гимназія и находился въ выпускномъ классѣ. Въ этомъ году я былъ невольнымъ и близкимъ свидѣтелемъ одного крупнаго происшествія, надѣлавшаго огромный переполохъ въ стѣнахъ пансіона, которое такъ прочно запало у меня въ памяти, что я и до сихъ поръ, не смотря на мои преклонныя лѣта, живо его помню.

Въ этомъ году, по росписанію лекцій въ нашемъ классѣ, по понедѣльникамъ отъ двухъ до четырехъ часовъ была лекція изъ закона Божія, преподавателемъ котораго былъ В. Б. Бажановъ. Мы всѣ высоко его уважали. Вотъ, въ одинъ изъ понедѣльниковъ, и именно на Ѳоминой недѣлѣ, только-что прозвонили на лекцію, мы всѣ собрались въ классѣ и заняли свои мѣста. Я сидѣлъ на первой скамейкѣ вторымъ отъ входныхъ дверей, когда вошелъ къ намъ о. Бажановъ. Занявъ свое мѣсто на каѳедрѣ, В. Б., обратясь ко мнѣ, приказалъ разсказать прошлую лекцію. Только-что я всталъ и началъ разсказывать, какъ двери въ нашъ классъ съ шумомъ растворились и на порогѣ показалась величавая фигура императора Николая I. Всѣ мгновенно вскочили съ своихъ мѣстъ и на привѣтствіе его прокричали: «здравія желаемъ ваше императорское величество». Государь, отдавъ поклонъ В. Б. и положа свою шляпу на каѳедру, приказалъ продолжать лекцію, но В. Б. до того

сконфузился (онъ еще тогда не былъ духовникомъ его величества), что не могъ вызвать меня, а я, и говорить нечего, сидѣлъ неподвижно. Государь, оглядѣвъ всѣхъ насъ, быстро подошелъ къ моему сосѣду съ правой стороны, воспитаннику Ч. и, замѣтивъ на немъ сюртукъ изъ тонкаго сукна съ какимъ-то отступленіемъ отъ формы, изволилъ сказать: «Откуда ты взялся, лейбъ-уланъ, поди сюда» и съ этимъ словомъ, разстегнувъ на Ч. сюртукъ и замѣтя у него какія-то пряжки, подошелъ къ дверямъ и громко позвалъ директора. Стоящій у дверей гувернеръ Фукъ объявилъ государю, что директора нѣтъ дома. Государь приказалъ позвать инспектора «и его нѣтъ дома» — отвѣчалъ Фукъ. Государь сильно разгнѣвался, началъ прохаживаться по коридору. Не прошло четверти часа, какъ прибѣгаютъ и директоръ, и инспекторъ. Государь, подозвавъ директора къ Ч., спросилъ его, видѣлъ ли онъ этого улана? Растерявшійся до нельзя директоръ молчалъ. «Вы оба сейчасъ, сію минуту, отправляйтесь на гауптвахту!» грозно сказалъ государь и, взявъ свою шляпу, уѣхалъ. Сидя возлѣ Ч., я взглянулъ на него и ужаснулся; онъ стоялъ совершенно какъ мертвецъ съ крупными каплями пота на лицѣ, да и правду сказать, было отчего и помертвѣть: у него въ боковомъ карманѣ была колода картъ, а въ заднемъ карманѣ коротенькая трубка и табакъ.

За эти принадлежности, еслибы ихъ у него нашли, порядкомъ бы ему досталось. Какъ только государь уѣхалъ, Ч. и карты, и трубку, сжегъ въ печкѣ и поклялся никогда не играть въ карты и не курить. На другой день возвратилось наше начальство изъподъ ареста. Года черезъ три послѣ выпуска я случайно встрѣтился съ Ч. и спросилъ его, куритъ ли онъ табакъ: «нѣтъ, братъ,— отвѣчалъ Ч.,—съ того дня не курю и не играю».

II.

Въ тридцатыхъ годахъ, въ числѣ воспитанниковъ артилерійскаго училища былъ сынъ помѣщика Д. Е—нъ, милый, любезный и честный товарищъ, котораго всѣ любили. Учился онъ очень недурно и былъ страстный театралъ. Какъ-то, не задолго до святокъ, состоялось строжайшее запрещеніе воспитанникамъ военно-учебныхъ заведеній посѣщать театры. Узнавъ объ этомъ, Е—нъ сильно огорчился, но, долго не думая, рѣшилъ во что бы то ни стало побывать въ театрѣ. И вотъ, въ одинъ день, къ вечеру, воспользовавшись дежурствомъ одного простоватаго офицера, скрылся изъ училища. Заѣхавъ въ знакомый ему магазинъ готоваго платья и переодѣвшись здѣсь въ статскій костюмъ, онъ отправился въ театръ. Довольный успѣхомъ, Е—нъ занялъ въ театрѣ кресло и оглядѣвшись увидѣлъ, что возлѣ него помѣщается его начальникъ, полковникъ К. Замѣтивъ упорный на него взглядъ полковника, Е—нъ,

нисколько не смутясь, обратился къ нему съ вопросомъ: «Не правда ли, полковникъ, что вы во мнѣ узнаете моего брата вашего воспитанника?» — «Да, да! — отвѣтилъ К., — это поразительное сходство!» — «Да, полковникъ, это всѣ замѣчаютъ. Скажите, полковникъ, какъ братъ учится и ведетъ себя?» — «Да учится-то онъ недурно, но шалунъ, большой шалунъ». — «Пожалуйста, полковникъ, попеняйте ему и скажите, что родителямъ нашимъ это очень не пріятно». Затѣмъ, перемѣнивъ разговоръ, Е—нъ началъ бесѣдовать съ полковникомъ о постороннихъ предметахъ. Въ послѣднемъ антрактѣ, К. отправился въ буфетъ, а за нимъ и Е—нъ. Въ буфетѣ Е—нъ купилъ коробку конфектъ и передалъ ее К., прося отдать отъ него брату и сказать ему, чтобы онъ велъ себя лучше. Полковникъ отправился обратно въ театръ, а Е—нъ поспѣшно взялъ извозчика, заѣхалъ въ магазинъ переодѣться и, никѣмъ не замѣченный, явился въ училище и легъ на свою кровать. По окончаніи спектакля, К. пріѣхалъ въ училище и, обходя дортуары, подошелъ къ мнимо-спящему Е—ну и началъ его будить. Е—нъ быстро вскочилъ съ кровати. — «Я былъ въ театрѣ, — сказалъ полковникъ, — и видѣлъ тамъ вашего брата — прекрасный молодой человѣкъ — вотъ берите съ него примѣръ — онъ прислалъ вамъ конфектъ — возьмите ихъ». И вполнѣ довольный К. отправился въ свою квартиру. Вскорѣ продѣлка Е—на огласилась и дошла до слуха императора Николая. Наканунѣ роспуска воспитанниковъ на святки, въ училище пріѣхалъ императоръ. Обойдя все заведеніе, онъ передъ уходомъ потребовалъ къ себѣ Е—на. Е—нъ въ страшномъ перепугѣ подошелъ къ императору. Николай, обратясь къ нему, сказалъ: — «Ну, повѣса, разсказывай теперь, какъ ты былъ въ театрѣ, да смотри не врать». Е—нъ во всемъ чистосердечно сознался. — «Счастливъ ты, что сказалъ правду, но все-таки — прибавилъ государь, обращаясь къ директору, — его всѣ святки не пускать со двора». Для Е—на этимъ все и кончилось, но полковникъ К. за свою оплошность пострадалъ сильнѣе: его уволили отъ службы.

III.

Въ годъ выхода книжки «Московскаго Наблюдателя», въ которой было помѣщено стихотвореніе Пушкина: «На выздоровленіе Лукулла», я служилъ въ департаментѣ народнаго просвѣщенія и былъ свидѣтелемъ очень грустной сцены по поводу этого стихотворенія. Черезъ нѣсколько дней по выходѣ въ свѣтъ этого стихотворенія, былъ въ департаментѣ докладъ министру С. С. Уварову. По окончаніи доклада С. С. на выходѣ изъ департамента встрѣтилъ въ канцеляріи цензора Гаевскаго; остановившись, онъ громко спросилъ его: «Вы, Павелъ Ивановичъ, вѣроятно читали, что этотъ негодяй и мерзавецъ написалъ на меня?» Гаевскій, ни-

чего на это не отвѣчая, почтительно наклонилъ голову. «Сейчасъ извольте отправиться къ князю Д. (онъ былъ тогда предсѣдателемъ цензурнаго комитета) и скажите ему отъ меня, чтобы онъ немедленно сдѣлалъ распоряженіе цензурному комитету, чтобы къ сочиненіямъ этого негодяя назначить не одного, а двухъ, трехъ, четырехъ цензоровъ», — и съ этими словами, кивнувъ намъ головою, удалился. По отъѣздѣ С. С., Гаевскій подошелъ къ намъ и съ грустнымъ видомъ сказалъ: «Какъ это жаль, что С. С. такъ выражается о Пушкинѣ». Въ тотъ же день вечеромъ я былъ у дяди своего, цензора В. Н. Семенова, у котораго нашелъ Пушкина. Отозвавъ дядю въ другую комнату, я передалъ ему слова Уварова. Дядя не вытерпѣлъ и разсказалъ Пушкину, а тотъ, отыскавъ меня, началъ подробно разспрашивать и смѣялся, говоря, что Лукуллъ этимъ отъ него не отдѣлается. Послѣ, я слышалъ, что Пушкинъ, получивъ распоряженіе комитета, писалъ объ этомъ императору Николаю, который на его письмѣ написалъ, что впредь онъ самъ будетъ его цензоромъ.

IV.

Служа по министерству народнаго просвѣщенія, я пользовался добрымъ расположеніемъ директора канцеляріи министерства народнаго просвѣщенія Новосильскаго, нерѣдко я бывалъ у него на дому и любилъ слушать его разсказы про бывшаго министра князя Ливена. Изъ многихъ его разсказовъ я запомнилъ болѣе характерный.—«Когда я вздумалъ жениться,—говорилъ Новосильскій,—я обратился къ князю Ливену съ просьбой выдать мнѣ впередъ за полгода жалованье. Князь, выслушавъ мою просьбу, сказалъ:— «А чѣмъ ты, батюшка, будешь жить послѣ?» Я отвѣчалъ:—«Какъ-нибудь проживу, ваша свѣтлость».—«Нѣтъ, батюшка, какъ-нибудь жить нельзя, ты поди подумай и черезъ три дня мнѣ скажи». Прошло три дня, князь молчитъ. На четвертый день, окончивъ докладъ, князь съ серьезнымъ лицомъ обратился ко мнѣ съ вопросомъ: «Ну, что, придумалъ?»—«Ничего не придумалъ, ваша свѣтлость». — «Скажи, батюшка, сколько тебѣ нужно, 1000 руб. довольно?» — «Очень довольно, ваша свѣтлость».—«Почему же ты не займешь у меня?» — «Я не смѣлъ и подумать объ этомъ, ваша свѣтлость».—«Напрасно, поди, батюшка, напиши вексель и принеси мнѣ, а я тебѣ дамъ деньги, да не забудь позвать меня на свадьбу». Я написалъ, получилъ отъ него деньги, свадьбу мы отпраздновали, князь былъ посаженымъ отцомъ моей невѣсты, а на другой день прислалъ ей прекрасный туалетъ, наполненный всевозможными туалетными принадлежностями, среди которыхъ находился и мой вексель въ 1000 р. наполовину разорванный. Князь Ливенъ,—го-

ворилъ Новосильскій,—былъ до такой степени щепетильной честности, что когда требовалъ себѣ для частнаго письма листъ бумаги, то всегда возвращалъ за него деньги».

V.

Во время службы моей въ департаментѣ народнаго просвѣщенія былъ тамъ канцелярскій чиновникъ И. В. С. Владѣя чрезвычайно красивымъ почеркомъ, который, какъ говорили, нравился императору Николаю I, онъ имѣлъ исключительную обязанность переписывать бумаги исходящія отъ лица министра. С. былъ во всѣхъ отношеніяхъ прекрасный человѣкъ, но къ несчастію въ высшей степени разсѣянный. Эта разсѣянность нерѣдко приводила его къ смѣшнымъ, а иногда и къ серьезнымъ приключеніямъ. Объ этой разсѣянности ходило много анекдотовъ, но одно происшествіе, по поводу той же злосчастной разсѣянности, у меня сохранилось въ памяти. Это было въ концѣ тридцатыхъ годовъ. Придя разъ въ департаментъ, я узналъ, что получено изъ канцеляріи министерства сообщеніе, что сегодня министръ, отправляясь съ докладомъ къ государю, заѣдетъ въ департаментъ. Всѣ и все, въ ожиданіи министра, приняло какой-то заботливый видъ, одинъ С. невозмутимо переписывалъ бумаги; въ этотъ день у него было три докладныхъ записки государю. Окончивъ переписку, С. началъ перомъ рисовать птицъ, что онъ мастерски умѣлъ дѣлать. Пріѣхалъ министръ, экзекуторъ взялъ отъ С. бумаги и отнесъ къ министру въ кабинетъ. Министръ, пробывъ недолго въ департаментѣ, взялъ съ собою бумаги и отправился съ докладомъ. Въ этотъ день управляющій департаментомъ, князь Шихматовъ, ранѣе обыкновеннаго оставилъ департаментъ; слѣдомъ за нимъ потянулись и мы. Но нельзя представить нашего удивленія, когда мы еще сверху лѣстницы увидали возвращающагося министра вмѣстѣ съ княземъ. Мы, разумѣется, поспѣшили возвратиться на свои мѣста. Вошелъ къ намъ министръ сильно взволнованный и громко позвалъ къ себѣ С. Подавая ему бумагу, разрисованную птицами, онъ сказалъ: «Это твоя работа, негодяй, чтобы сегодня же твоего духу здѣсь не было!»—и съ этими словами, не поклонившись никому, вышелъ изъ департамента. С. сейчасъ же былъ уволенъ, а мы всѣ, окруживъ его, никакъ не могли понять какъ это случилось. А случилось это очень просто: С., переписавъ докладныя записки, перевернулъ, на одной изъ нихъ, страницу нарисовалъ птицъ, и по своей разсѣянности забылъ объ этомъ, а экзекуторъ, взявъ отъ него бумаги, не просмотрѣлъ ихъ; въ такомъ видѣ министръ и повезъ бумаги къ докладу. Прошло неболѣе недѣли С. опредѣлился въ департаментъ государственнаго казначейства. Мы потолковали, погоревали о С. и стали было уже забывать всю эту исторію. Ровно черезъ мѣсяцъ, совершенно неожиданно полу-

чается высочайшее повелѣніе, чтобы, С. какъ неправильно уволенный, былъ немедленно возвращенъ на прежнее мѣсто, съ выдачей ему годового оклада жалованья.

Не знаю, чѣмъ кончилась дальнѣйшая судьба С. по службѣ въ министерствѣ народнаго просвѣщенія, потому что я перешелъ въ другое вѣдомство.

VI.

Въ числѣ чиновниковъ министерства народнаго просвѣщенія, представленныхъ къ наградамъ, былъ инспекторъ Ришельевскаго лицея Ч. Онъ былъ представленъ къ ордену Владиміра 4-й степени. Дѣла о наградахъ находились тогда въ завѣдываніи канцеляріи департамента. Одному изъ столоначальниковъ этой канцеляріи П. было поручено княземъ Шихматовымъ сдѣлать выборку изъ представленія попечителей о награждаемыхъ и составить общій имъ списокъ по алфавиту. П., отмѣчая въ графѣ когда и кто получилъ послѣднюю награду, поставилъ у Ч. вмѣсто Анны 3-й степени Станислава 3-й степени. Списокъ этотъ читали, перечитывали, всѣ подписали и черезъ министра отправили въ комитетъ министровъ. Въ комитетѣ, какъ видно, обратили вниманіе, что Ч. представленъ къ наградѣ не по порядку орденовъ и назначили ему, вмѣсто Владиміра, Анну 3-й степени. Все казалось сошло благополучно, награды разосланы и въ газетахъ напечатано. Недѣли черезъ три, князь Шихматовъ получаетъ отъ одесскаго попечителя письмо, въ которомъ онъ говоритъ, что Ч. вмѣсто ожидаемаго Владиміра получилъ другую Анну. Когда это сдѣлалось извѣстнымъ, отыскали представленіе одесскаго попечителя и увидѣли, что въ формулярномъ спискѣ Ч. ясно обозначено, что Ч. имѣетъ Анну 3-й степени съ 28-го года. Что тутъ дѣлать? Князь Шихматовъ отправился къ министру и они рѣшили сдѣлать докладъ государю. Въ докладной запискѣ Уваровъ, объясняя эту ошибку, взвелъ на столоначальника напраслину, что онъ, будучи прекраснымъ чиновникомъ, будто бы былъ до крайности разсѣянъ; тогда какъ П. никогда этимъ не отличался. Орденъ Ч. перемѣнили, а виновному сдѣланъ былъ строгій выговоръ безъ внесенія въ формуляръ. Прошло около полугода. Императоръ пріѣхалъ осмотрѣть новое помѣщеніе департамента и, проходя черезъ канцелярію, спросилъ: «А гдѣ этотъ мастеръ, что даетъ по два креста?» Министръ, сопровождая императора, указалъ на П. Государь грозно на него посмотрѣлъ и погрозилъ пальцемъ.

VII.

Въ 1834 году я служилъ въ департаментѣ народнаго просвѣщенія. Въ то время министромъ народнаго просвѣщенія былъ С. С. Уваровъ, а департаментомъ завѣдывалъ князь П. Л. Ши-

ринскій-Шихматовъ; князя Шихматова мы искренно уважали за его доброе, сердечное, мягкое обращеніе съ нами; довольно было князю сдѣлать, кому-нибудь изъ насъ, замѣчаніе — заслужившій его всѣми средствами старался исправиться. Къ общей нашей грусти, князь внезапно опасно заболѣлъ и лишь только вѣсть о его болѣзни разнеслась между нами, всѣ мы, словно по какому приказу, отправились на квартиру князя и убѣдительно просили княгиню дозволить намъ, по очереди, днемъ и ночью дежурить у постели больного. Княгиня, со слезами на глазахъ, благодарила насъ и изъявила согласіе на просьбу нашу. Но вотъ, къ общей нашей радости, князь настолько поправился, что черезъ три мѣсяца могъ вступить въ завѣдываніе департаментомъ. Живо помню, какъ мы всѣ, когда узнали, что сегодня князь пріѣдетъ въ департаментъ, вышли къ нему на встрѣчу, къ самому подъѣзду, и искренно его поздравляли съ выздоровленіемъ. Князь былъ глубоко тронутъ этой встрѣчей.

На время болѣзни князя, завѣдываніе департаментомъ было поручено К. С. Сербиновичу; но объ этомъ человѣкѣ слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ. Воспитанникъ Полоцкой іезуитской академіи, онъ былъ хитрый, придирчивый, раздражительный, и до крайности мелочной человѣкъ, а какъ начальникъ невыносимый. Нужно было имѣть много терпѣнія, чтобы выносить его капризы.

Вѣроятно, нерасчитывая вовсе на выздоровленіе князя, онъ думалъ утвердиться на этомъ мѣстѣ—иначе нельзя думать, потому что съ первыхъ же дней своего управленія сталъ вводить особые порядки, которыми довелъ депертаментъ до того, что онъ принялъ мрачный, унылый видъ; всѣ начали шептаться, остерегаться другъ друга, появились доносы, наушничество, подслушиванье и тому подобное. Любимецъ Сербиновича, экзекуторъ Штакельбергъ, поднялъ голову и открыто грозилъ всѣмъ и каждому, что онъ обо всемъ будетъ доносить Сербиновичу. Къ числу замѣчательныхъ распоряженій Сербиновича должно отнести его приказаніе, объявленное тѣмъ же экзекуторомъ, чтобы всѣ черновыя бумаги, прежде ихъ переписки начисто, были представляемы ему для просмотра, но съ тѣмъ, чтобы писавшій бумагу своеручно подписалъ, что онъ ее составлялъ по совѣсти. Одна изъ такихъ бумагъ выпала на мою долю и была причиной порядочнаго переполоха какъ въ департаментѣ, такъ и въ моемъ семействѣ. Разсказъ объ этой злополучной бумагѣ, не только извѣстенъ былъ въ департаментѣ, но и открыто ходилъ по городу. Я тогда жилъ при своей матери на Васильевскомъ Островѣ въ третьей линіи. Живо помню какъ въ одинъ прекрасный день, въ концѣ октября, часовъ въ 11 вечера, прискакалъ изъ департамента курьеръ съ строгимъ приказаніемъ Сербиновича, чтобы я немедленно явился къ нему въ департаментъ. Дѣлать было нечего—я поѣхалъ. Мать моя страшно перепугалась

за меня, воображая не надѣлалъ ли я какихъ тамъ бѣдъ, что за мною присылаютъ въ такую пору. По пріѣздѣ въ департаментъ, меня встрѣтилъ ночной дежурный чиновникъ и провелъ въ кабинетъ директора департамента, гдѣ засѣдалъ Сербиновичъ. Продержавъ меня около часа передъ кабинетомъ, онъ наконецъ позвалъ меня къ столу. Взявъ, изъ кипы бумагъ, одну, и подавая ее мнѣ, онъ спросилъ: «Скажите, это вы писали?» на утвердительный мой отвѣтъ, онъ продолжалъ: «Вѣроятно, вы кончили курсъ въ университетѣ?» Я подтвердилъ ему это «и вѣроятно,—продолжалъ онъ,—въ здѣшнемъ, т. е. въ Петербургскомъ?» и когда я ему и этотъ вопросъ подтвердилъ, то Сербиновичъ, покачивая головой, съ глубокимъ вздохомъ произнесъ: «Господи! Господи!» Непонимая причины такого возгласа, я, какъ отупѣлый, стоялъ безмолвно передъ нимъ. Промучивъ меня въ этомъ недоумѣніи, Сербиновичъ произнесъ: «скажите пожалуйста, когда кончается рѣчь, какой ставятъ знакъ препинанія?» Я отвѣчалъ: «Точку».—«А вы ее поставили?» спросилъ Сербиновичъ, подавая мнѣ мою бумагу. Обмакнувъ перо въ чернильницу, Сербиновичъ сталъ просить меня, чтобы я потрудился поставить злополучную точку; затѣмъ отпустилъ меня со вздохомъ, прося при этомъ, на будущее время быть осмотрительнѣе.—Вотъ что бывало въ министерствахъ пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ.

VIII.

Я былъ хорошо знакомъ съ А. В. Никитенко и пользовался его добрымъ расположеніемъ. Понятно, что я читаю съ особымъ интересомъ печатающійся въ «Русской Старинѣ» его дневникъ. Въ этомъ дневникѣ многія лица, игравшія выдающіяся роли въ тридцатыхъ годахъ очень вѣрно очерчены, но удачнѣе всѣхъ вышли двѣ личности: С. С. Уваровъ и К. С. Сербиновичъ—оба, какъ живые. Удивительно, что Никитенко, вѣрно замѣтивъ привычку Уварова приплетать свое имя къ имени императора Николая, забылъ записать въ своемъ дневникѣ объ одномъ памятномъ всѣмъ намъ, служившимъ въ то время въ министерствѣ народнаго просвѣщенія, парадно-напыщенномъ привѣтствіи Уварова, обращенномъ ко всѣмъ намъ. Я твердо помню, что Никитенко присутствовалъ при этомъ. Дѣло происходило такъ. Въ исходѣ тридцатыхъ годовъ, къ Пасхѣ, Уваровъ получилъ орденъ св. Александра Невскаго. На канунѣ праздника, когда крупныя награды дѣлаются извѣстными, отъ Уварова послѣдовало приказаніе, чтобы всѣ чиновники его вѣдомства на другой день Пасхи къ 11-ти часамъ утра собрались въ департаментъ министерства народнаго просвѣщенія, куда и онъ пріѣдетъ. Къ назначенному времени всѣ мы собрались. Ровно въ 12-ть часовъ пріѣхалъ министръ. Медленной походкой онъ вошелъ въ залъ и, поздоровавшись со всѣми нами,

выдвинулся на средину залы и своимъ звонко-тягучимъ голосомъ произнесъ: «истинный министръ народнаго просвѣщенія есть государь императоръ—я его орудіе—вы исполнители моей власти—въ лицѣ моемъ вы всѣ награждены; впрочемъ, я вами доволенъ». Сказавъ это, онъ сдѣлалъ общій поклонъ и быстро вышелъ. По отъѣздѣ Уварова мы начали поздравлять другъ друга съ наградою.

Пишущему эти строки довольно часто приходилось быть дежурнымъ у Уварова и нерѣдко встрѣчать тамъ Никитенко. Хорошо помню, что А. В. всегда выходилъ отъ министра взволнованнымъ отъ его затѣйливыхъ распоряженій по цензурѣ. Никитенко очень тяготился цензорствомъ и часто просилъ министра уволить его отъ этой обязанности, но министръ никакъ не соглашался. Про Сербиновича скажу только, что его портретъ, описанный въ дневникѣ Никитенко, вполнѣ подтверждаетъ мой разсказъ о немъ о непоставленной точкѣ.

Н. Н. Т.